

Я родилась в Ленинграде в 1935 году. В июне 1941 года мы с бабушкой — Шпагиной Анной Ивановной (1890–1974) — отдыхали в Псковской области у друзей. Папа прислал телеграмму, что началась война, нам нужно срочно приезжать домой, так как немцы быстро продвигались вглубь нашей страны. Приехали на вокзал, билетов не было. Поезда шли по специальному назначению. Я не понимала, что такое война, мне было всего 6 лет, но я помню, что было много народа, люди были в тревоге, спали на полу вокзала, через день мы приехали домой.

Отец Комаров Ф.И.
в центре. 1941 год

Отец мой, Фёдор Иванович Комаров, родился в 1906 году, работал в Кировском райкоме партии. Добровольцем ушёл на фронт. Военных документов у нас не сохранилось, кем служил, я не знаю, и о наградах тоже. Помню, мама, бабушка и я провожали папу, он держал меня на руках, это я запомнила на всю жизнь. В 1943 году мама получила извещение, что он погиб на Волховском фронте.

После того, как отец ушёл на фронт, мама — Комарова Екатерина Филип-

повна (1908–1984) — пошла работать на фабрику «Ленкооптекстиль», где производили для наших бойцов одежду и всё для фронта. Она работала всю блокаду. Мы жили в Кировском районе на улице Стачек в доме 7А рядом с Нарвскими воротами.

В июле 1941 года по приказу руководства Ленинграда всех детей должны были отправить в эвакуацию в Кировскую область. Меня отправили с двоюродной сестрой, Степановой Раисой Васильевной (родилась в 1929 г.), ей было 12 лет. Название посёлка не помню. Жили мы в школе. Вывели нас в поле на прополку картошки, капусты и льна. Дети были разного возраста. Жили мы там недолго. В конце июля приехала мама, чтобы забрать нас домой. Немцы быстро приближались. Мы еле добрались до Ленинграда. Поезда шли с вооружением и солдатами.

8 сентября 1941 года в Ленинграде началась блокада. Каждый день бомбёжки и обстрелы города. Немцы разбомбили Бадаевские склады, они горели. После пожара моя бабушка с соседями ходила туда и в мешочке приносила крупу, перемешанную с землёй. Мы выбирали оттуда крупу и варили её. С каждым днём становилось всё меньше и меньше продуктов, не работал водопровод, отключили отопление. Все соседи в доме ставили буржуйки — печки с трубой в окно, стоял жуткий мороз. Жгли в печке всё, что горело. Окна заклеили полосками бумаги, чтобы не разбились при налётах. Транспорт не ходил. Зимой вместо воды набирали во дворе снег.

У нас жил маленький попугайчик. Мне сказали, что он улетел, но я помню, каким вкусным был суп, сваренный моей бабушкой.

По радио часто передавали сообщения о воздушной тревоге, и мы сразу бежали в бомбоубежище. Оно было в школе 384, недалеко от нас, но бежать было нелегко, всё время бомбили немцы город. Стоял сильный гул их самолётов, слышался звон разбитых стёкол. Помню, как однажды мы с бабушкой остались дома во время бомбёжки. Послышался громкий гул самолётов, потом грохот разбитых зданий, нас отбросило воздушной волной, и мы упали, осколки разбитых стёкол валялись на полу в комнате и на кухне. Мама нас очень ругала, что мы не пошли в бомбоубежище.

Мама Комарова Е.Ф.

Галина с бабушкой. Конец 1950-х годов

Бабушка с мамой меняли вещи на дрова и дуранду², — так в народе называли хлеб — это жмых овса и что-то другое. У бабушки очень болели ноги, была цинга, но она пережила все 900 дней блокады. Летом мы с ней собирали на газонах ромашку, крапиву, лебеду, варили и ели, но и траву нелегко было найти. Я очень благодарна бабушке за мою спасённую жизнь.

Очень хотелось есть. Однажды я вспомнила, что у нас есть родственница — Прокашко Анна Семёновна. Я, как и мама, звала её тётёй Аней, хотя она была сестрой моей бабушки, то есть я была её внучатой племянницей. Тётя Аня окончила Институт благородных девиц, прошла гражданскую войну медсестрой. А в это время работала медсестрой в госпитале, была донором. Иногда она нам приносила кое-что из продуктов. Тётя Аня жила на Оборонной улице, в трёх трамвайных остановках от нашего дома. До блокады мы с мамой ездили к ней на трамвае. Однажды, когда бабушки не было дома, я оделась и пошла к тётё Ане пешком. Мне тогда было 7 лет. Транспорт не ходил, на улице снежные сугробы, в снегу лежали мёртвые или ослабленные люди. Но я дошла до её дома, тётя открыла дверь и очень удивилась, увидев меня одну. Я прямо с порога сказала: «Покормите меня». Тётя покормила, правда, не помню чем, потом отвела домой. Дома была паника — пропал ребёнок. С меня сняли валенки, бабушка потом обменяла их на дуранду. Мне дали бумагу и карандаши и посадили в кровать под одеяло. Тогда я на-

² Дуранда — это жмых семян масличных растений после выжимания из них масла. Из овса масло не отжимают. *Прим. ред.*

Блокада. Борьба с фугасными бомбами. Акварель Бондаревой Г.Ф.

чала рисовать. Видно, пошло на пользу. В первый класс — это была та же самая 384-я школа — я пошла в восьмилетнем возрасте, а после её окончания поступила в Художественное училище имени Серова и стала профессиональным художником. Тема блокады была одной из основных тем в моих работах в течение всей жизни.

Во время блокады моя мама руководила группой женщин, которые сбрасывали с крыш фугаски, чтобы не горели крыши.

Она была членом КПСС. В 1944 году её направили возглавлять совхоз в Юкках. Совхоз поставлял овощи ленинградцам. Она работала там с весны до осени. Ещё занималась детьми-сиротами, устраивала их в детские дома. Однажды на улице нашла мальчика Петю, у которого умерла мать, а отец-милиционер погиб на посту во время налёта. Этого мальчика она устроила учиться. Через много лет, уже будучи взрослым, он нашёл нас и поблагодарил маму. Мама была награждена медалью «За оборону Ленинграда».

Во время блокады работало радио, каждый день были сводки с фронтов и каждый день были передачи для детей, где читала сказки, стихи, рассказы замечательный диктор Мария Григо-

рьевна Петрова своим замечательным и незабываемым голосом, который я помню и сейчас. Она была актрисой ТЮЗа.

В январе 1943 года мы узнали о прорыве блокады. По Ленинграду вели колонну военнопленных. Мы с бабушкой пошли на улицу Стачек смотреть на них. Народу было много. Они шли с опущенными головами в серых грязных шинелях, шея и ноги замочены какими-то тряпками. Мне их стало жалко. Я тогда спросила у бабушки: «Это те немцы, которые нас бомбили и не давали хлеба, хотели, чтобы мы умерли?». «Да, — сказала бабушка. — Теперь они в плену у нас». Одна женщина рядом с нами бросила в немца бутылку с водой, другие тоже стали бросать бутылки, камни, ругали их плохими словами. Колонна медленно шла по улице в сопровождении конвоя. Так я увидела наших мучителей.

Но зато как мы радовались снятию блокады в 1944 году и в день Победы 9 мая 1945 года, когда по радио слушали выступление И.В. Сталина! Война закончилась. День Победы запомнился мне необычным праздником! Люди обнимались, целовались друг с другом, звучала музыка, вечером гремел салют. Закончилось всё ужасное, началось восстановление города. Но память об этих страшных днях войны и блокады осталась на всю жизнь.

В этой войне погибли мой отец, его младший брат 20-летний брат Комаров Василий Иванович, курсант морского училища в Кронштадте. Старший брат отца — Комаров Григорий Иванович — потерял в боях за Ленинград ногу, из госпиталя пришёл на костылях.

Санкт-Петербург

Блокада Ленинграда

Весь Ленинград, как на ладони,
С Горы Вороньей виден был.
И немец бил / С Горы Вороньей.
Из дальнобойной «берты» бил.
Прислуга / В землю «берту» врыла,
Между корней, / Между камней.
И, поворачивая рыло, / Отсюда «берта» била.
Била / Все девятьсот блокадных дней...

М. Дудин